

Обречённые на обман

Сборник рассказов

Георгий КАЮРОВ

Георгий Каюров

Обречённые на обман. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Каюров Г. А.

Обречённые на обман. Сборник / Г. А. Каюров — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Сборник рассказов.

Дворник

Рассказ

Ночью дворника Гришку с тяжёлым приступом, сопровождавшимся высокой температурой, забрала скорая. Она долго возила его по городу от больницы к больнице, пока наконец, молоденький врач, дежуривший в приёмном покое районного стационара, позаглядывав Гришке в глаза, для этого он сильно оттягивал ему веки, коротко сказал:

– Не наш.

– А чей? – фельдшер устало опустилась на кушетку.

– Везите в инфекционную, – позёывая, проговорил врач и удалился. – Лучше сразу в тубдиспансер, – раздался его голос из темноты коридора.

– Свалился на мою голову, – с этими словами фельдшер вскочила как ошпаренная и, забираясь в машину, бросила водителю: – В туб везём.

Гришка смутно помнил происходящее в ту ночь. Ему хотелось быстрее куда-нибудь прийтись, пусть даже на кладбище, но только успокоиться хоть на минуточку. И когда его, наконец, уложили в прохладную больничную постель, уже от этого стало легче, и он осмотрел всё вокруг просветлевшим взглядом.

Большая палата произвела на Гришку благоприятное впечатление. Последние три года он ютился в душной дворницкой, в которой не было даже окна. В дворницкую, усилиями самого же Гришки, была переделана каморка для инвентаря.

Когда Гришку принимали на работу, то сразу поселили при обкомовском доме в небольшую квартирку, специально отведённую для швейцара, которому вменялось в обязанности, помимо своих прямых, следить за чистотой внутреннего двора и лестничных площадок дома. До Гришки долгие годы дворником работала Акулина. В какой-то период Акулина резко состарилась и стала подслеповата, но когда жильцы увидели, – дворничиха ещё и оглохла, её тут же сменили на более ухватистого Гришку – мужчину тощего, но жилистого и потому в глазах нанимателя теряющего возраст, а ведь новому дворнику-швейцару минул пятьдесят шестой годок. Сначала Акулина захаживала в гости, подскажет чего по обязанностям, новый дворник даже чайком её угощал и подкармливал немного, а потом старуха пропала. Поговаривали, дворничиха померла, то ли по болезни, то ли от тоски, то ли на остановке в морозы лютые замёрзла. В общем, как и принято у людей, – быстро забыли списанную единицу.

После многолетних скитаний по общежитиям коммунхоза, в отдельной квартире, пусть и казённой, Гришка зажил прекрасно. Светлая комната, совмещённая с кухней, производили впечатление хоромов. Отдельный санузел, в понимании Гришки, делал его жизнь ну прямо министерской. Новый дворник был лёгок наподхват и справлялся с огромным количеством обязанностей, которые тут же навесили на него сдержанно-приветливые, зачастую угрюмомолчаливые жильцы элитного дома. Годы пролетели быстро, и всё бы ничего, но в какой-то день, Гришка уже и не помнил когда это было, к нему зашёл управделами и, оглядев хоромы дворника коротко сказал:

– Надо бы ремонтик тебе тут закатить.

– Я всегда, пожалуйста, – с охотой выступил на центр дворницкой Гришка. – Только прикажите, – мигом отремонтирую.

– Нет, нет, – задумчиво возразил управдом. – Без тебя управятся. Вещи снеси в каморку для инвентаря. Временно там поживёшь.

– Да, я и сам... – попытался возразить Гришка.

– Никаких сам, – отрезал управдом на прощание. – Утром придут строители, отдашь им ключи.

Гришка почувствовал неладное, но всё сделал, как приказали. Квартирку отремонтировали, прорубили в стене к соседям большой, арочный проход, а входную дверь в Гришкины хоромы заложили кирпичом. Таким образом расширили апартаменты нового главы области.

Для одинокого, стареющего Гришки и каморка оказалась божьей благодатью. Последнее время много стариков выбрасывали без разбора на улицу.

За несколько дней проведённых в больнице, успокоительное лечение и сносный уход устранили острую форму заболевания, и Гришка даже просветлел лицом, но лекарства не помещали мужицкому организму «таять как свечка». Больничная атмосфера только усиливала тревогу у дворника элитного дома, за своё дальнейшее существование. На исходе недели в палату вошёл главврач и сразу направился к Гришкиной койке.

– Ну и исхудали вы, – и незаметно махнул медсестре, мельком взглянув на поднявшегося дворника. Та громыхнула об пол весами, подтолкнув их к Гришке, переминающемуся с ноги на ногу.

– Какой у вас нормальный вес? – поинтересовался главврач. – Станьте на весы.

– Да и не знаю, – заволновался Гришка. – Может, шестьдесят?

– Может, шестьдесят, – задумчиво повторил главврач и удалился, тихо отдавая распоряжения медсестре.

– Видно, придётся помирать, – проговорил одними губами Гришка, глядя вслед врачам.

Он ещё раз встал на весы и внимательно изучил стрелку и цифру, на которой та застряла. Потряс весами и снова стал на них. Стрелка упрямо указывала на цифру сорок семь.

Гришка подумал о боге и, как в детстве в доме у бабушки, искал по углам палаты образа. Ноги сами понесли его вон из палаты.

На днях, прогуливаясь по коридорам больницы, он заметил табличку с надписью «Храм Божий». Табличка висела на огромного размера кованой решётке, которой загородили, некогда просторный вестибюль. Образованное помещение с внутренней стороны прикрыли плотной кумачовой шторой. В прежние времена в подобных вестибюлях стояли кресла и телевизор для больных. Можно было посмотреть новости или какой-нибудь фильм.

Дверь в импровизированный Храм Божий была открыта. Гришка неуверенно вошёл и тут же наткнулся на батюшку.

– Что вам? – мерным голосом спросил священник.

– Мне бы исповедаться, – ещё тише ответил Гришка.

От охватившего волнения ноги его подкосились, и дворник едва не свалился.

– Проходите, – подхватывая под руку прихожанина, батюшка подвёл того к стулу и усадил. – Не волнуйтесь. Крещённый?

– Да. И крест нагрудный... – Гришка пошарил по груди, но замешкался. – Был.

Возвращаясь Гришка упокоенным. Соседи по палате встретили его равнодушными взглядами. Эта молчаливость так же удручала Гришку, но привыкший подчиняться обстоятельствам, он принял правила и строго им следовал. Дворник прибрал все свои вещи в сумку. Кровать перестелил, взбил подушку и улёгся, прикрывшись одеялом. Руки спрятал под одеялом и уложил их на груди. Именно в таком положении он хотел умереть. Гришка закрыл глаза и облегчённо вздохнул.

Видением встал образ старшей сестры. После смерти матери их пути разошлись. Сестра заняла родительский дом, а Гришке ничего не досталось.

– Что ему надо? – отвечала на укору соседей сестра – Зачем ему дом? Он в городе живёт.

«Не буду сообщать ей о своей смерти. Пусть таким будет моё неповиновение для неё. Не стоит она моего внимания. Кабы в ладах жили – сообщил бы... Что же получается, вроде я её наказываю? Может, бог её давно простил и моё наказание неуютно будет богу? Батюшка говорит – жил я честным человеком, жил в усердии. Злоба к сестре ведь не от усердия, а от злобы выходит».

Гришка твёрдо решил сообщить сестре о своей скорой кончине. И тут же новое видение – сынка его.

Гришке часто снилось, как они с сыном за ручку гуляют. Он никогда не видел лица мальчика, но хорошо помнил теплоту и его запах. Часто, проснувшись и лёжа с закрытыми глазами, Гришка ощущал в своей руке теплоту сыновьей ручки. Иногда, возбуждённый сном, Гришка накрывал лицо руками и жадно вдыхал детский запах, ощущая даже аромат вспотевшей детской ладошки.

«Так и прожил на всём белом свете один-одинёшенек, – горечь от своей судьбы напрягла всё тело, и Гришка скрежетнул зубами, всеми силами пальцев вцепившись в матрац. – Прими поскорее господи, душу раба твоего Григория, – проговорил одними губами дворник и снова скрестил руки на груди».

В пятницу, с самого утра, лёжа не шелохнувшись и с закрытыми глазами, Гришка ждал смерти. Он так свыкся с этим ожиданием, даже не заметил, как кончился день и прошла ночь. Когда утром ударил колокол в больничном Храме Божиим, Гришка поначалу подумал – вот оно, наступило восхождение в Царствие небесное. Неожиданно раздались голоса, их Гришка услышал отчётливо, и потянуло ароматным мясным соусом. За сутки его тело привыкло к своему положению и Гришке стоило усилий, чтобы пошевелить рукой. Ещё больше потребовалось сил, чтобы открыть глаза. Палата была полна людьми – это пришли проводить своих близких родственники. Изъятые из сумок домашние яства тут же наполнили помещение одурманивающими голодающий организм ароматами.

Вмиг больничная палата приняла для Гришки праздничный вид. Ему не верилось, что он жив, – ведь он так хотел умереть, даже начал умирать. Повидался с сыном, простил сестру. Неужели это был сон? Он снова закрыл глаза, но и с закрытыми глазами явственно различал мясные угощения, свеженарезанный огурчик, домашнюю колбаску и борщ со сметаной. По палате ходили люди, разговаривали и смеялись дети.

Гришка опять открыл глаза и осмотрел всё вокруг. Горькое разочарование овладело им – он не умер, он остался жив, не удостоился, не сподобился, не открылись врата храма для него. А ведь священник говорил – «ты жил праведно, с усердием». Удручённый этой мыслью, Гришка не сразу отозвался на приглашение угоститься, а когда одумался, то все о нём забыли.

Более суток расслабленного сна сделали своё дело, подкрепили, собравшееся добровольно умереть тело. Гришка почувствовал себя бодрее и даже энергично встал. Внимание на активность странного больного обратили только дети, и то недолгое. Родители приструнили своих чад, и те потеряли всякий интерес. Завтрак Гришка пропустил, а до обеда оставалось достаточно времени. Проступивший здоровый аппетит начал злить дворника. Он взял с тумбочки стакан и собрался было отправиться, хотя бы за водой, как дверь в палату распахнулась. Все примолкли, рассматривая появившуюся колченогую старуху. Она опиралась на палку, а в другой руке держала увесистую сумку.

– Здесь Григорий лежит? – прокаркал её рот.

– Мать честная! – воскликнул Гришка, узнав Акулину. – Какими делами ты на нашем погосте?

– Вот, зашла тебя проведать, – не обращая внимания на шуточный тон дворника, сообщила старуха, раскладывая на тумбочке угощения.

– Заходила к управдому. Он и сказал – Гришка туберкулёзник и пошёл умирать в больницу, – убогая Акулина была, как и Гришка, одинока на всём белом свете.

– Спасибо, Акулинушка, спасибо бабка, – сквозь накатившие слёзы шептал Гришка, разглядывая подарки. – Говорили, ты померла уже давно?

– Не грехи, – коротко оборвала старуха дворника. – Поди, богу до меня дело? Живу пока.

– Ты права. Без воли божьей волос с головы человека не упадёт, – важно подтвердил Гришка. – Меня батюшка на днях исповедовал и сказал, в святых писаниях говорится о том, что всё по его воле делается на земле.

Акулина тупо уставилась на Гришку, не находя, чем возразить, и неожиданно воскликнула:

– Ой! Ну и восковой же ты стал, – залепетала она, – совсем как есть прозрачный. Плохо, видно, кормят? Сколько же ты вешишь?

– И ты старая, про веса? – в сердцах воскликнул Гришка.

С трудом переводя дыхание, ещё и потому, что волновался, он рассказал в подробностях о больничном уходе, о своих мыслях о сестре и о том, что он её простил, о своём сыне, который мог бы у него быть, если бы женился Гришка вовремя, а теперь сын приходит к нему во сне и они гуляют за ручку. Ещё Гришка рассказал, но уже шёпотом, о своей скорой кончине и о том, как договорился с докторами и продал им для опытов своё тело после смерти.

– Это как? – не поверила Акулина.

– Так. Подписал бумагу, мол, так и так, после моей смерти возьмите меня на опыты, – и, приблизившись к самому уху Акулины, добавил: – Они мне за это пятьсот рублей из кассы выдали. Вот, – Гришка достал из-под подушки кошелёчек и вынул оттуда деньги.

– Как же за могилой ухаживать? – растерялась Акулина и перекрестилась.

Весь разговор она смотрела на исхудавшее лицо Гришки, на ввалившиеся почерневшие глаза, сухие запёкшиеся губы, на живот, завалившийся между двумя мосолами, на руки, покрытые истончённой кожей и пустыми венами, как синими испачканными потёками. Старухе стало жалко этого мужика, которому суждено после смерти остаться без собственной могилы, хотя она и сама давно уже свыклась со смертью. Вот и Гришка, оказывается, её похоронил. Понимая мысль о смерти просто, она не находила нужным утешать мужчину надеждой, что он поправится и врачи часто ошибаются, а поддакивала ему, когда тот, ссылаясь на слова тех же врачей, говорил ей:

– Сегодня не умер, значит, завтра помрёшь, не завтра – так готовься не проснуться в любой день.

В их разговоре наступило тяжёлое молчание. Неожиданно Акулина засобиралась.

– Как же свечку поставить в церкви? – растерянно проговорила она.

– Почему же нельзя свечку, – удивился Гришка.

– Так опыты же... – никак не могла взять в толк старуха.

– А-а, ты про это, – успокоился Гришка. – Так свечку можно.

– Давай тогда деньги на свечку.

– На, вот, – Гришка отсчитал нужное количество денег и приложил двадцать пять рублей сверху. – Акафист закажешь и за упокой души поману.

– Хорошо. Больше приходить не стану, тяжело мне. Я в следующую пятницу зайду и спрошу, в какое число ты помер, чтобы знать, когда девятый и сороковой день, – укладывая пустые кульки, рассказывала Акулина. – Ты побеспокойся сам. Накажи врачу, чтобы мне сказали, когда ты умер.

– Побеспокоюсь, не волнуйся. Скажут, – обиделся на прямолинейность старухи Гришка.

– Побеспокойся, побеспокойся, – не обращая внимания на настроение мужика, наставляла Акулина. – Ещё до смерти кого следует побеспокой, попроси, не забудь.

– Ладно тебе, ступай.

Старуха закончила и приготовилась расставаться. Она отложила в сторону свою палку, и они с Гришкой обменялись троекратным поцелуем.

– Прощай Григорий Пантелеич, – перекрестив Гришку, объявила Акулина. – Если что не так, прости, а встретимся в царствии небесном, сочтёмся, – и поклонилась земным поклоном.

– Ты меня прости, что твоё место занял.

– Никаких обит к тебе не держу, – так и сказала «обит», надавив на букву «т» и брызнув слюной. – Пращевай.

И снова старики обнялись в троекратном поцелуе, прощаясь друг друга.

– Не забудь про панихиду, – и Гришка погрозил пальцем.

– Деньги взяла, как же забуду? – изумилась Акулина.

– Ладно, уходи старая... прощай... Не увидимся больше... – Гришка едва успел скрыть слёзы, отвернувшись к окну.

– Богу будет угодно, увидимся скоро, – не замечая перемен в дворнике, продолжала говорить Акулина. – Прощай. Помирай себе с богом. Дай бог тебе царствие небесное, – и, оглядевшись по сторонам, добавила. – Хорошая палата. Поживи напоследок в человеческих условиях.

Гришка поспешил улечься в кровать, как лежал прежде, и прикрылся одеялом, сложив руки крестом на груди. Очень ему захотелось показать Акулине, каким он будет лежать мёртвым. Старуха одобрительно закивала и перекрестила будущего покойника, приговаривая:

– Царствие тебе небесное, царствие тебе небесное, – и, постукивая об пол палкой, удалилась.

Гришка провожал старуху закрытыми глазами, и в голове у него ещё долго крутились Акулинины слова: «Царствие небесное, царствие небесное».

Пелагия

Рассказ

Сельская старуха, баба Пелагия, сидела на лавочке у ворот своего двора и покачивалась – вперед-назад, вперед-назад... По возрасту ей бы уже выжить из ума, ан нет. Старуха была подслеповатой и неважно слышала, но с памятью у нее было все в порядке, и поучить всех норовила. Не из вредности, конечно, а больше по привычке или из желания поговорить хоть с кем-то. Она говорила совет или наставление и противно улыбалась своим беззубым впалым ртом, показывая красные десны. Ее рот, испещренный частоколом морщин, растягивался в улыбке, и на подбородке шевелились редкие волосы. Сетка морщин по всему лицу сгущалась в мелкую ячейку и, как бы просеивая улыбку, выдавала ее импульсивно. Старуха, клокоча мокротой, хихикала, помогая себе кивками головы.

Успокаивалась она так же неожиданно, как и начинала смеяться. Лицо разравнивалось до крупной ячейки, частокол морщин накладывался на рот, губы, сомкнувшись, втягивались вглубь и что-то там постоянно, едва заметно, поправляли. Веки то замирали, то быстро-быстро мигали, как бы протирая близорукие глаза. Зрачков не было видно. От долгого смотрения на жизнь они размылись в радужке и сизым пятном бегали и застывали, теряясь на пепельных, с желтизной, яблоках.

Она уже и сама не помнила, когда последний раз отлучалась от своего двора дальше этой лавочки. Когда-то давно её приглашали селяне на похороны какой-нибудь старушенции или старика. Она и не знала покойника, но её приглашали. Баба Пелагия утицей ковыляла, опираясь на клюковатый бастон и угадывая по людскому гомону, где собрались. Это было так давно, что сразу и не припомнишь когда. Осталась старуха последней из тех дремучих сельских старцев. Все вымерли, и о ней забыли. Больше никуда не приглашали. Ну кто пригласит старуху на свадьбу?

Ранним утром, с первыми лучами, выходила баба Пелагия за калитку и садилась на лавку. Лавку срубил ещё муж. Пригодной она была только для сидения. Она как тот старый пень: все спотыкаются, а возмись за него руками – трухлявый насквозь. Садилась старуха и начинала раскачиваться. Её щуплая, сгорбившаяся фигурка ссутулившейся спиной толкалась об каменный дувар и медленно склонялась, зависнув, замирала, и опять – об дувар.

Одевалась бабка Пелагия всегда одинаково, в любое время года и в любую погоду. Тонкий шерстяной платок черным куполом облеплял её голову на монашеский манер – с защипами по бокам и плотной лентой на лбу, накрест опоясывая тощую старческую шею и завязываясь сзади маленьким узелком. Поверх коричневого платья на ней была вязаная кофта зелёного цвета. Заканчивали гардероб плюшевая тужурка, застёгнутая на все пуговицы; коричневые обвислые

чулки и войлочные ботиночки, серого цвета, с разошедшимися ржавыми молниями по центру. И обязательно крупные бусы – стекляшки, плотно нанизанные на нитку, и посередине стёртый алюминиевый крест. Вот и все украшения.

Старуха иногда прекращала качаться, словно что-то вспомнив, начинала поправлять края тужурки или поглаживать их, вкладывая в свои действия всю сохранившуюся в ней заботу. Доставала носовой платок. И хотелось присмотреться – не плачет ли? Нет, она шумно сморкалась и прятала его в карман. Если чихала или кашляла, то обязательно громко, в обе ладони, и быстро растирала все, что в них попадало. Проморгавшись от столь многих действий, старуха опять начинала покачиваться.

Спросят, сколько ей лет – она скажет, но не поверят, а метрика где-то глубоко в сундуке. Поверят, когда будут хоронить и перероют сундук. В сундуке все, что осталось от жизни старухи. Есть, правда, ещё дети. Они тоже остались. От детей есть внуки и, наверное, правнуки, но их старуха не видела. Насчёт правнуков сказать точно не может – только должны быть, и все.

Дети давно живут в большом городе, наезжают редко. Раньше чаще. А когда – раньше? Последний раз были очень давно. Она даже забыла, какие они. Если приедут, сразу и не узнает. В кармане старуха держит карточку. На всякий случай. Она и когда сидит, нет-нет достанет карточку и посмотрит на лица детей. Плачет? Нет. Слез на это уже нет. Запоминает! Вдруг нагрянут?

Нет и живности во дворе, кроме собачонки, которая из конуры вылезает крайне редко – старая. Двор зарос бурьяном. Тропинка только от дома к калитке. Нужника в бурьяне не видать, и тропинки к нему не протоптано. От дождей, снега осел нужник, покосился, и теперь в него и двери не откроешь, а чтобы зайти, в три погребели согнуться надо. Старухе нужник и без надобности. Все в ведро и за дом – удобрение. Вот только нечего удобрять.

Саманный дом расползся, старчески присел к земле, одним краем соломенной крыши, едва не касаясь глиняного бугорка. Глину привезли ещё много лет назад, дом обмазывать, так и осталась кучка – размывается. Соломенная крыша, почерневшая, изрытая птицами, мышами и стихией, всей живностью покинута за непригодностью для обитания. И только почему-то её стихия ещё терпит, не разрушает. Оконца махонькие, мазаные-перемазанные, крестовина рамы уже и не крестовина, оконца кругленькими глупыми глазками таращатся устало. Много они видели-перевидели – состарились.

Только огород ухожен. Сосед по весне распахивает вместе со своим и сажит. Забора между огородами уже давно нет. Если соседа, молодого розовощёкого малого, спросить: Сколько? – он и не ответит. Наверное, всегда так было, ещё с отцом распахивали. Отца уже третий год как схоронили. А при нем так было.

А ведь был забор! Красивая изгородь. Давным-давно два крепких селянина-соседа нарубили лозы, сплели искусно и установили. Жили дружно, сыновей растили. Так один за другим и оставили сынам дворы, нажитое. Сыны распорядились по-разному. Один в большой город уехал. Где он там? Второй своему сыну передал. А этот уже не помнит ничего. У молодёжи память короткая, больше зрительная. Жизнь дедов – это так далеко – не видима!

Старуха выходит на лавочку и здороваётся со всеми прохожими. Остановившимся – улыбается, играя сеткой морщин, щурится водянистыми глазками, и слезы без следа скатываются по щекам. Скрюченные пальцы землистого цвета шершаво трутся рука об руку. На них уже нет кожи, той, что делает ладонь розовой, тёплой, бархатистой и заботливой. Кожа стёрлась, всегда сухая, прохладная и блестит. Кисти не разгибаются полностью, а все готовы ухватить что-нибудь – лопату, тяпку, косу... А хватать больше ничего и не надо. Да и силёнок нет. Бывало, за день косой по полторы мерки проходила статная крестьянка Пелагия, и все хохоча, играючи. Потом до зари просиживала у околицы в ивняке. Там у них с мужем и о первенце задумалось. Потом будут ещё двое, но один помрёт. Дочка хиленькая родится, потому и выживет. Много смертей Пелагия повидала за жизнь. Мужа схоронила рано. Все одна и одна.

Забегит почтарка – пенсию принесёт. Куда её – пенсию-то? Последнее время просила, чтобы продуктами лучше доставляла.

Старуха, может, и дольше жила бы. Крепкая была. Несмотря ни на что ходила сама, смотрела за собою. Но наступили новые времена – подгоняющие. Электричество отключили, подают только два раза в день по часу. О чем старухе в темноте мечтать, если не о смысле жизни?

В селе горит старый фонарь. В ветреную погоду, раскачиваясь, скрипит и мотыляет, разбрасываясь светом. Он и обозначает то единственное место, которым село ещё соприкасается с цивилизацией.

Сегодня старуха не спешит домой. Заранее приготовилась – постелила на лавку дорожку, сложенную вчетверо, и примостилась на ней. Сумерки наступили и зашлись. Фонарь включился и застыл – безветренно. Петухи откричались. Где-то пропикала радиоточка. Старуха качнулась назад, оттолкнулась от дувара и медленно склонилась головой к самым коленям – задремала.

Мимо проносились редкие машины, проходили парочки, спешили засидевшиеся в гостях селяне. Кто ночью глядит по сторонам? Кто будет всматриваться в одинокий темнеющий комок на лавке, может, это и не комок, а так – тень.

– Доброй ночи, мать!

– Доброй... – шамкнула губами старуха, обтёрла обслонявленные губы и подняла голову, всматриваясь в темноту. Голоса не узнала и повторила: – Доброй, доброй...

– Чего домой не идёшь?

В темноте опять прошамкал её рот, и вырвалось клокочущее шипение – смеётся.

– Не хочу домой, – сквозь смех заговорила она в темноту. – Помру, и забудут про меня. Так и буду лежать в доме – брошенная.

Дня два сидела, завалившись набок, скрюченная фигурка на лавке. Привык народ к тому, что сидит старуха Пелагия каждый день. Сидит первая на очереди.

Кто следующий?

Лесник

Рассказ

По лесной дороге, иногда утопая по самую крышу в густой траве, мягко катилась голубого цвета «Нива». Это осматривал своё угодье лесник Михаил Фёдорович Албанец. В Запорожском лесничестве Албанец работал с конца шестидесятых годов. Он любил свою профессию и до тонкостей знал её секреты. Об Албанце коллеги говорили: «Он незаменим», и потому стоял на почётном месте у областного начальства. Введение в стране программы «Перестройка» Михаил Фёдорович поначалу воспринял с энтузиазмом, но уже к концу восьмидесятых потерялся в своих ощущениях, а главное – в понимании этой самой программы. По всей стране лютвал «цивилизованный голод», как называл происходящее Михаил Фёдорович. Многие товары первой необходимости отпускались по карточкам и талонам.

– Даже в голодовку, мыло раздавали бесплатно, – с горечью признавал Албанец.

Зарплату выдавали редко и зачастую продукцией, которую рабочие сами же и производили на предприятиях. Стало привычным явлением: ткачиха швейной фабрики пыталась обменять зарплату выданную носками на деньги; или электрик трансформаторного завода – украдкой продавал на рынке шашлычницу, которую сам сделал и которой с ним расплатились. Не получилось сразу сломать мозг у народа и затолкать в него спекуляцию, как норму. В речи появились незнакомые, отпугивающие слова: бартер, зачёты, коммерция, доллары, консенсус. Народ чувствовал их варварское происхождение и потому всегда произносил со злой иронией или пренебрежением.

На днях к Михаилу Фёдоровичу из Молдавии приехала в гости сестра Анна. Ей захотелось погулять по лесу и она упросила брата показать где он работает. И вот, Албанец взял сестру с собой на утренний обхоже. Они объезжали западный массив, раскинувшийся справа стороны трассы союзного значения Москва – Симферополь.

– Почему в машине бензином воняет? – оглядываясь назад, поинтересовалась сестра.

– Вожу с собой две канистры запаса, – пояснил Михаил Фёдорович. – Бензин урезали. Дают по десять литров на день, а сколько проедешь на них? – брат улыбнулся сестре и покрутил ручку, опуская стекло. – Сейчас проветрится. После ночи накапливается.

– Красиво! Хорошо-то как! – восторгалась Анна, рассматривая округу. – Здорово, рядом миллионный город. Ты слышишь? – неожиданно сказала Анна, жестом руки показывая, в какую сторону надо обратить внимание. – Михай, ты слышишь? – повторила она возбуждённо и наклонила голову.

Михаил Фёдорович притормозил и вытянул шею, сузил глаза, вглядываясь в сторону лесного массива на который указывала сестра, и покачал головой.

– Нет. Ничего не слышу. Может показалось?

– Ничего не показалось, – упрямылась сестра. – Я ясно слышала, там рубят.

– У нас такое стало часто, – Михаил Фёдорович, снова умолк, ловя каждый звук. – Нет. Не слышу.

– Ладно, – примирилась Анна. – Ты почему домой не приезжаешь?

– Мой дом здесь, – тихо проговорил Михаил Фёдорович.

– На родительский день я была на могиле родителей, – с тревогой в голосе заговорила сестра. – После их смерти ты ни разу не приезжал.

– Что ты от меня хочешь?

– Там родина твоих предков, – и после небольшой паузы добавила, – наконец, твоя родина.

– Мы нашей родине не нужны, – с горечью в голосе проговорил Михаил Фёдорович. – Я последний из рода Албанцев, Михай Албанец – умру на этой земле.

– Я тоже из рода Албанцев! – с вызовом в голосе сказала сестра.

– Ты мужняя жена и рожает не Албанцев, а... – Михаил Фёдорович запнулся, вспоминая фамилию сестры, но не вспомнив, шёпотом проговорил. – Кого ты там рожает?

– Брось, – примирительно сказала сестра. – За что ты его не любишь? Он мой муж.

– Я не его не люблю. Я не люблю деревенщину в нём, – едва потеплевшими глазами Албанец посмотрел на сестру.

– Не было других, – согласилась она, выдав и свою горечь, которая, по-видимому, была заткнута куда-то далеко и, вот теперь, брат выковырял её из этих глубин и Анне закрутилось. – Где твои знатные роды? Тански, Асани?

– Рази, Хрисоверги, – продолжил Михаил Фёдорович. – И многие и многие. Все кончились. Теперь наши женщины рожают детей для деревенщин.

Сестра не ответила. Они медленно окаймляли огромный массив по кругу. В долине виднелся индустриальный город, со своими кварталами высоток и трубами заводов. На одном из подъёмов, когда они пересекли опушку, и на открытом месте открылся вид на весь город, Анна спросила:

– Что это?

– Это доменные печи, – даже не взглянув, пояснил Михаил Фёдорович. – Там погиб мой сын.

– Ну, да, Славка был металлургом, – припомнила Анна.

– А ты говоришь родина. Тут моя родина. Здесь похоронен сын. В этой же земле лежит моя жена, – Михаил Фёдорович тяжело вздохнул и дрогнувшим голосом ответил: – Куда я от них поеду? Рядом с ними и упокоюсь.

Снова воцарилось молчание.

– Нет. Ты слышишь? Опять это место и снова ясно слышно – в лесу рубят.

– Не слышу.

– Вот-вот, смотри, есть дорога, – возбуждённая сестра указала на едва заметную дорогу, точно такую же по которой они ехали, протоптанную в густой траве. – Сворачивай.

– Хорошо, – согласился Михаил Фёдорович, останавливая машину и сдавая назад.

– Я отчётливо слышала, – настаивала сестра, прильнув к торпедо и внимательно всматриваясь в глубь леса. – Едь медленно по этой дороге и не разговаривай.

Они свернули и поехали, куда она указывала. Прямо перед ними открылась широкая просека. Солнце поднялось высоко и палило. Анна высунула голову в открытое окно и следила за тем, как внизу мелькает трава, как красивые лесные цветы приминаются под колёсами автомобиля, высунула руку и о ладонь стали биться метёлки ложного овса, а щека чувствовала на себе горячие лучи солнца.

– Замри! – шёпотом выпалила она и замахала рукой, показывая мимо брата. – Там рубят. Чего же ты сидишь?

– Даже если рубят, – упрямылся Михаил Фёдорович, ему не хотелось покинуть машину, – Что я им скажу?

– Ты же лесник? – удивилась сестра. – Поймаешь с поличным. Ты же должен пресекать незаконную вырубку леса? Может ты стал бояться нарушителей?

– Ничего я не стал, – огрызнулся брат. – У нас таких незаконных вырубок знаешь сколько? – противился Михаил Фёдорович. – У нас людей незаконно вырубают и ничего. Зарплату мне пятый месяц дровами выдают.

– Это может быть оправданием? Какой же ты хозяин?

Михаил Фёдорович покорно вышел из машины, с укором взглянув на сестру. Ему не понравилось то, что она усомнилась в его хозяйской хватке.

– Хорошо. Поймаю я их и что, по твоему уразумению, прикажешь делать?

– Не знаю, – растерялась Анна. – А что в таких случаях делают?

– В таких случаях не рубят лес, – грубо отрезал брат и направился в лес.

– Ну, не потакать же вору? – упрямылась Анна.

Михаил Фёдорович, ловко переступая через густую траву направился к лесу. Анна осталась в машине, на всякий случай, со своей стороны подняв стекло и опустив фиксатор двери, она нагнулась и стала следить за фигурой брата. Он медленно продвигался вперёд иногда перепрыгивая, на своих длинных, тонких ногах через кусты ежевики. Раз или два спотыкался и однажды едва не упал. По движению руки Анна угадала, брат полез в карман за платком. И в ту же минуту рука брата поднялась и обтёрла лоб.

Михаил Фёдорович скрылся в зелёном массиве, и Анна тревожно осмотрелась по сторонам.

В лесу, наконец, и до его слуха долетел лёгкий стук топора.

«Не ошиблась! Надо же какой слух! – удивился он, подумав про сестру. – И всё-таки зачем я иду?»

Михаил Фёдорович охотно повернул бы в противоположную сторону, но гнали его вперёд эта презрительность и укор, которые сквозили в голосе Анны. И он решил схватить нарушителей и продемонстрировать сестре на наглядном примере в какую волокиту она их втянула. Это же будет убит весь день, а то и следующий. Нарушителей надо отвезти в милицкий участок, составить протокол, довести дело до суда, чтобы получить с них штраф и так далее и далее. А там глядишь и отпуск у сестры закончится. Он морщил лоб от этих размышлений и тихо, так, чтобы не слышно было в двух шагах, откашлялся, прочищая себе голос. Ведь предстояло орать и грозно! Михаил Фёдорович прислушался, его слух потерял стук топора.

Вдруг, глаз выхватил между оголёнными стволами деревьев движение человеческой фигуры. В ту же минуту снова раздался стук и на землю медленно, с шумом повалился большой сухой сук. Михаил Фёдорович быстро спрятался за дерево; он никак не мог предполагать, что нарушитель окажется так близко. Человеческая фигура нагнулась, подняла сук и потащила в сторону к целому вороху сложенной суши. Теперь Михаил Фёдорович отчётливо разглядел дровосека: это была женщина, голова её покрыта платком, штанины подкатаны так высоко, что открывали белёсые, словно высохшие ноги. Она двигалась медленно, собирая нарубленную сушь. Сгибалась и разгибалась с трудом и от этого движения её казались ещё более медленными. Руки, чтобы рубить, напрягались чрезмерно и от этого женщина быстро уставала. Давая отдохнуть руке, она тыкала её локтем в бок, ставя на выпирающий мосол.

Михаил Фёдорович, наконец, оправился от неожиданно представшей картины и готовился выступить из засады. Он даже напустил на себя грозный вид и как непоколебимый судья сделал шаг в сторону нарушительницы. Вдруг, вблизи вязанки что-то зашевелилось, и Михаил Фёдорович ясно услышал плач ребёнка. Женщина торопливо бросила топор, пугливо оглянулась, едва не обнаружив быстро зашедшего за дерево наблюдателя, и достала из травы что-то небольшое, увёрнутое в серое. Пока расстёгивала блузу обнажаясь, она потрясла свёрток в одной руке и бережно приложила к груди. Михаил Фёдорович отчётливо видел её лицо, ещё молодое, но уже бесцветное, с впалыми щеками и тупым, равнодушным взглядом в глубине выступающих скул. В короткий срок стремительной скорости, с которой набирала зловещую силу горбачёвская перестройка, он часто стал видеть подобные женские лица. Впервые он обратил внимание на подобное лицо у своей жены. Тогда она, тяжело больная, лежала в больнице. Врачи поддерживали в ней жизнь, но всегда отводили взоры, когда он приходил. Албанец с силой нервно потёр лоб, желая стереть наваждение – у неё было такое же выражение. Он с горечью подумал, хорошо, что жена не дожила до сегодняшних дней. Они вдвоём так искренне радовались переменам, которые обещал Михаил Горбачёв, как бы она пережила всё это, если бы увидела, истинное лицо того, к чему привёл нас этот демон. Как бы она пережила то, что лица женщин станут вот такими?

Что же собственно он должен делать? Выйти из засады, напугать до полусмерти эту и без того уже напуганную, загнанную женщину? Видеть её ужас, слышать её мольбы о пощаде, видеть её горе и... Отнять у неё эту дрянь, набрать которую ей стоило столько трудов, обвинить в краже, лишить тепла и горячей пищи её детей, таких же тощих и обездоленных, и загнанных в угол перестройкой? Михаил Фёдорович пристально всмотрелся, что делается поодаль, ища глазами хоть какие-то намёки на жилище. Это одни из тех, кто подался из голодающего села искать в городе счастья. Муж, скорее всего на заводе.

Женщина продолжала кормить ребёнка и в то же время тревожно оглядывалась по сторонам. Михаил Фёдорович прижался к стволу, ему показалось, она почувствовала слезку. Впервые в жизни он струсил. «Может подойти, наставить на путь истинный, указать на то, что детям грудным не место в лесу, наконец, пристыдить и отпустить?» – терзали противоречивые мысли Албанца. Какой-то неестественный гнев нахлынул на него, и он с силой ударил по стволу. «До какой лживой и бессмысленной показухи я додумался!» Одна мысль, что его появление вызовет испуг у этой кормящей женщины, почти ужасом охватившая его, стала Михаилу Фёдоровичу настолько невыносима, что он отступил. Осторожно переставляя ноги, выискивая тихое место для шага, чтобы ни сучка, ни сухого листочка не попало, он пробирался среди кустов и деревьев обратно к машине. Если не удавалось ступить бесшумно он с тревогой оборачивался и старался спрятаться за стволы. Когда под ногой слабо хрустнула ветка, он резво присел, на лице его отразился испуг, а в груди потяжелело сердце, переполняемое кровью. Ещё долго его глаз выхватывал среди деревьев кормящую женщину. Ему даже показалось, что та задремала. «Ну и славно», – покачал он головой, сам себя успокаивая.

Выходя на поляну, Михаил Фёдорович выпрямился, облегчённо вздохнул полной грудью и быстрыми шагами направился к машине.

– Поймал? – вопросом встретила его сестра.

– Никого. Тебе показалось, – сухо ответил Михаил Фёдорович.

Сестра пылливо всмотрелась в лицо брата, он хотел ответить ей таким же прямым взглядом, но краснея отвернулся.

Долгое прощание

Рассказ

Три года назад семья Можайских переселилась в пригород столицы и напрочь выпала из светской жизни, которую блестяще вела почти двадцать лет.

Леонид Михайлович Можайский продолжал в городе адвокатскую практику и для этого его автомобиль каждый день проделывал путь до делового центра столицы, где располагался офис районной адвокатской конторы. По дороге он отвозил детей – дочь Татьяну в лицей Пушкина, она перешла в одиннадцатый класс, а сына Михаила – в строительный колледж. Вечером они собирались, чтобы вместе вернуться домой. К этим незначительным неудобствам члены семьи отнеслись, как к должному.

Замкнуться и переехать из города в посёлок заставили Можайских трагические обстоятельства – у Леонида Михайловича умирала жена Люся – Людмила Ивановна. В состоянии ожидания скорой кончины родного человека семья жила третий год.

Особенно жутко бывало по ночам. Больная сильно кашляла, задыхалась захлёбываясь мокротой. Если никто из родных не поспевал, то она пыталась сама достать стакан с отваром из ореховой кожуры, приготовленный с вечера, и чаще всего опрокидывала его, и тогда, на стук покотившегося стекла, домашние спохватывались. Тревожная ночь затягивалась сонными бреднями – это были надрывные вскрики и бессвязные слоги. Больная бессознательно подрывалась на локтях и так опасно изгибалась, что домочадцы опасались, как бы она не свалилась с кровати. В такие минуты надо было находиться рядом, а это разорванная бессонная ночь.

Сегодня Леонид Михайлович вернулся домой раньше обычного. Как ни старался он тихо передвигаться, чтобы подольше его возвращение оставалось незамеченным, но чуткий слух супруги уловил присутствие стороннего.

– Лёня! Это ты? – позвал её сиплый голос и сорвался на кашель.

Можайский представил, как жена сейчас тянется к отвару, и решил сразу не отвечать, выгадывая лишние минуты, собраться с мыслями и придумать, как объяснить своё раннее возвращение. Он с утра отложил все дела и по приглашению врачей отправился на консилиум. Профессор тягуче говорил, перелистывая Люсину медицинскую карту и закладывая обратно выпадающие листки из увесистой, сшитой грубой ниткой, истории болезни. Вердикт был однозначным: «Надо готовиться к самому худшему. Конец может наступить в любой день».

– Вы можете, попробовать вывезти её на природу, – профессор даже не назвал Люсиного имени, словно говорил уже о трупе, и, долгим взглядом уставившись в окно, задумчиво закончил. – На Днестр, в Кодры. Кислородный удар, пожалуй, продлит её дни.

Можайский слушал спокойно, только побледнел. Его разозлило то, что профессор безмянно говорил о близком ему человеке, но всё, на что хватило злости – сжать желваки, удерживая слёзы.

– Дети смогут пообщаться с матерью. И вы будете ближе, – как только мог, смягчил свой тон профессор, и, вставая, как бы извиняясь, положил руку на плечо Можайского. – Мы сделали всё, что могли.

Леонид Михайлович, от врачей, отправился к знакомому леснику Пантелеевичу и договорился арендовать у него дом в Кодрах. Лесник, старый приятель их семьи, даже обрадовался, но, узнав причину, зло выругался.

– Чёртова карга! Косит народ! – и рубанул воздух мозолистой ладонью, показывая – денег не возьмёт. – Живите так. Только живите.

Вернувшись на работу, Можайский походил по кабинету взад-вперёд и вдруг заспешил домой. На улице он столкнулся с дворником Серёжей и даже пожал ему руку на прощание, что никогда такого не делал.

– Люсенька, как ты? – как можно бодрее вошёл он к жене в комнату.

Людмила Ивановна, облокотившаяся спиной о подушки, держала в руках стакан с чёрного цвета отваром. Этот отвар посоветовала знакомая врач. Отвратительный на вкус, но Люся стойко пила его и даже видела пользу. На маленьком столике лежала груда лекарств. Блики от цветных пластиковых упаковок отсвечивали разноцветом на худом лице больной с обострившимися чертами и носом и сбившимися русыми волосами. В Люсиной комнате стоял спёртый воздух, пропитанный медикаментами.

– Люсенька, я вот, что хотел тебе сказать, – неуверенно начал он, пододвигая стул к кровати и располагаясь рядом с женой.

Людмила Ивановна приготовилась выслушать, опустив голову и едва заметно дёрнув губами в улыбке, словно хотела сказать: «Потерпите ещё чуть-чуть. Скоро всё будет кончено...»

– По совету врачей мы переедем на лето в лес, – Можайский снова умолк, собираясь с мыслями. – Сегодня я ездил к Пантелеичу и договорился арендовать у него дом. Там вокруг так здорово! Сосновые деревья, свежий воздух, птицы поют на разные голоса. Помнишь? Мы мечтали, пожить вместе в лесной тиши!

– Ты был у врача? – Людмила Ивановна встревожено уставилась на мужа.

– Почему был? – растерянно переспросил Можайский. Он оказался не готовым к такому прямому вопросу и не заготовил ответ. – Давно врачи говорили, было бы неплохо пожить тебе на природе.

Чтобы не продолжать лгать жене и тем, как он думал, не раздражать, Леонид Михайлович притворился, что не понял всей безнадёжности супружеского вопроса и своего положения, и, насколько мог, весёлым тоном рассказал об утреннем звонке Люсиной двоюродной сестры Екатерины.

– Ты представляешь, – с наигранной восторженностью воскликнул Можайский. – Она уже окончила четвёртый курс медицинского университета! Я пригласил её к нам в гости. Как ты к этому отнесёшься?

Чем дальше Леонид Михайлович говорил, тем яснее сознавал своё бессилие облегчить страдание жены и, более того, ему казалось, тем самым он сам приближал её конец. Замолчав, он ещё некоторое время сидел с устремлённым взглядом в пол, но когда поднял глаза, то увидел, как по впалой щеке Люси медленно сползала и потом повисла возле уголка рта крупная, блестящая слеза.

– Ну, что ты, дорогая моя? – Можайский взял супругу за руку и ткнулся в неё губами.

Людмила Ивановна погладила мужа по волосам, успев мизинцем смахнуть слезу, и та крупным пятном упала на простыню.

– Нет, ничего... От долгого лежания стали расшатываться нервы, – она поцеловала голову мужа. – Сама не знаю, часто думаю о тебе, о детях, как вы будете после меня жить. За себя мне почему-то не страшно, вот так, как не страшно опоздать на поезд, когда знаешь, билет тебе выдал врач...

– Какой врач? – встрепнулся Можайский, пристально вглядываясь в лицо жены. – Билеты на поезд выдаёт кассир.

– Хорошо, что у нас будет гостить Катя, – не обратив внимания на тревогу мужа, продолжила больная. – Это хорошо. Я уговорю её остаться на всё лето. Она славная, и в лесу с ней будет веселее. Тебе будет полегче... Ты, когда панируешь переехать?

– Учебный год закончится, и сразу соберёмся.

– Хорошо, – смиренно согласилась она. – Давай Катюшу дождёмся, и вместе с ней... мне будет легче собираться...

Людмила Ивановна хотела что-то ещё сказать, но приступ кашля не дал ей этого сделать. Женщина большим глотком отвара постаралась сбить приступ, но поперхнулась, покраснела, и чёрная жидкость полилась у неё через нос. Едва сдерживаясь, она махнула рукой, выпроваживая мужа, и только закрылась за тем дверь, её горло продралось страшными рыками.

Зная по опыту, помочь жене ничем нельзя, Леонид Михайлович только постоял у двери, прислушиваясь к происходящему за ней, и дождавшись, когда всё успокоится, тихими шагами удалился.

Можайский направился в комнату к сыну. Потребность делиться с кем-либо мыслями и заботами всегда была у него особенно сильна. Говорить с женой обо всём уже давно не было возможным. Узнав однажды о том, что сын получил шестёрку по химии, Людмила Ивановна не спала всю ночь и представляла себе, как после её смерти сына выгонят из лица и он всю жизнь будет на базаре торговать пирожками. Несколько дней Люся выговаривала мужу и, как только сын возвращался домой, тут же принималась допытываться об его успеваемости. Эти допросы переживались домочадцами тяжелее всего – все боялись, чтобы Мишка случайно не проговорился, и тогда конец. Семья скрывала от Людмилы Ивановны то, что Мишку давно отчислили из лица за неуспеваемость, и он уже год ходит в колледж. Ситуация с Мишкиными оценками довела всех до такой истерики, то когда Мишка принёс снова шестёрку, все молчаливым согласием поддержали враньё сына матери. Леонид Михайлович за этим и пришёл к сыну и, притянув его голову, целуя в висок, тихо укорил:

– Что же ты сынок?

Можайский чувствовал, как с каждым днём шла на убыль духовная близость, установившаяся между ним и женой сразу же после свадьбы, и мучился этим ещё больше. Никогда бы он не позволил себе соврать, а тут увидел в сыновней лжи даже святое спасение.

Последнее время Можайскому приходилось многое скрывать от супруги, чтобы не раздражать её и не нервировать. Возможность приезда двоюродной сестры и планы жены уговорить её остаться на всё лето, вселили в Леонида Михайловича какую-то странную надежду.

Можайский относился к сильным натурам, но и он стал чувствовать, как вот-вот споткнётся. Он нуждался в отдыхе или хотя бы в передышке, и этой передышкой могла стать Екатерина.

«С приездом сестры супруги станет легче, всё-таки родственница, – размышлял он, готовясь ко сну. – Если удастся уговорить её пробыть всё лето, то вообще соберусь с силами и тогда с утроенной силой буду тянуть». Последние мысли осаждали пыл Леонида Михайловича. Он сел на разобранную постель и с силой потёр лоб. «Что тянуть? Куда тянуть? – запульсировали в висках вопросы. – Врачи сказали – всё кончено. Или со дня на день будет всё кончено. Годы, проведённые с Люсей, – это были счастливые годы или нет? Было разное, – терзал себя раздумьями Можайский. – Нам всего-то по тридцать девять. Люся была надёжным тылом все двадцать лет. Разве в расцвете лет человек должен умирать? Как пройдут следующие двадцать лет, уже без неё? Может, к чёрту всю эту природу! Какой ещё к чёрту кислородный удар? Если скоро умрёт, так пусть дома, а не где-то на природе!»

Леонид Михайлович выпил успокоительного, понимая, не сможет заснуть, и всё равно устало ворочался в постели. Он думал о Кате, ещё раз в мыслях, авансом поблагодарив её за то, что она, может быть, согласится остаться. Он силился мысленно нарисовать её выражение лица, но не удавалось. Ему то, казалось, глаза у неё голубые, то виделось – они чёрные. Зато её белые зубы и звонкий смех будто сейчас видел и слышал. Последний образ младшей сестры Люси он запомнил, когда та ещё училась в гимназии. Они семьёй гостили в деревне у родителей жены. Катя заканчивала девятый, выпускной класс, и очень разумно рассуждала о своём

будущем. Леонид Михайлович тогда заметил в её взгляде какую-то излишнюю зрелость и отнёс это на счёт сельской практичности. Эта провинциальная девочка сделала, как и планировала – после девятого поступила в медицинский колледж, окончив его, оказалась в Одесском медицинском институте. С тех пор прошло много времени. И когда сегодня раздался звонок и из трубки приятным голосом сообщили: «Это Катя... я уже четвёртый курс окончила», Можайский только удивился тому, как быстро пролетело время.

Сейчас, лёжа в постели, он пытался представить ту девочку и сегодняшнюю студентку, угадать, как она могла измениться. Каждое явление, каждая отдельная личность у него легко укладывалась в определённую им формулу. Можайский с иронией относился к крестьянам. Перемены, произошедшие в обществе с приходом демократии, позволили ему укрепиться в своих убеждениях. В прежние времена выходцам из народа были открыты все двери, и это, как он считал, погубило общество, пронизало червоточиной и уничтожило великую страну. Теперь же всё стало на свои места. И вот, сельская родственница поступила в медицинский институт в Одессе и даже успешно окончила четвёртый курс. Можайский внутренне соглашался с тем, что двоюродная сестра его жены красивая, всегда художественно причёсанная, имеет вкус в одежде, обуви и даже много читает. Всё это вписывалось в его представление, каким должен быть образованный сельский доктор. Более того, он отмечал её привлекательность и в разговоре с женой не скрывал этого, заслуженно отмечая достоинства провинциалки. При этом с силой давил в себе пробивающийся росток симпатий к этой угловатой, но всегда со всеми приветливой, казалось, вечно весёлой девочке. На неожиданно осенившей мысли – встречая на вокзале родственницу, как он узнает её повзрослевшую – Можайского, наконец сморило снотворное.

В воскресенье, в семь часов утра, Леонид Михайлович выпил кофе и прошёл к жене сказать, – едет на вокзал. Больная спала. Он поцеловал её в жёлтый лоб, положил руку на голову и, вздохнув, вышел. На улице накрапывал весенний, прямой дождь и одновременно светило солнце, кое-где переливаясь радугой в прозрачных каплях. У калитки уже ждало такси. Они доехали быстрее, чем планировал Можайский, и потому он попросил водителя оставить его у памятника Сергею Лазо, для себя решив прогуляться оставшееся время. Дождь прекратился, и асфальт на глазах высыхал. «Одновременно плачет и смеётся, – подумал Можайский, выбиравшись из машины, и мысленно добавил. – Так и я сейчас».

Нагрнувшее на прошлой неделе неожиданное похолодание в начале мая отступило. Весна, словно нагоняя время, быстро распустила почки, вмиг одев деревья и кусты сочной зеленью. За несколько солнечных дней серые газоны покрылись лёгкой травой. Проходя мимо парка с соснами, Можайский вдохнул полные лёгкие – хвоя весной пахла сильнее. На земле между прошлогодними сухими иглами, суетились большие, рыжие муравьи, а из глубины парка слышны были птичьи голоса. Особенно поразила Можайского гармония, с которой просыпалась после зимней спячки природа. Мягко шумели деревья, покачивая своими золотыми от утреннего солнца ветвями. Вспорхнула и сейчас же скрылась среди ветвей разноцветная сойка. И опять Можайский слышал только собственные шаги. Весной дышится, как на улице после табачного и винного запаха ресторана. Он снова наполнил лёгкие свежим воздухом и от нахлынувшего блаженства закрыл глаза.

«Люся верит в загробную жизнь, – неожиданно пришла ему мысль. – Каждый день молится и всё-таки страшно мучается. Говорят, на свете во всем гармония, – Леонид Михайлович остановился, всматриваясь в весну. – Может быть, но контрастов больше. И самый ужасный контраст – Люси должно не стать на этом свете».

Леонид Михайлович, чтобы сдержать слёзы, ускорил шаг. Парк сменился новостроем, который безжалостно напознал на небольшой уголок природы. То ли стройка повлияла, то ли и правда увеличился поток машин, но от их грохота и интенсивного движения он даже поморщился.

Вдали послышался сначала один, а потом другой гудок поезда.

«Интересно, это поезд ушёл или прибыл? – терялся в догадках Можайский, взглянув на часы. – Скорее всего маневровый гоняет туда-сюда. К приходу дизеля успеваю. Не может же поезд прийти раньше расписания. Хотя, в наше время он может всё, что взбрédёт в голову машинисту или диспетчеру. Может и вовсе не прийти, – Можайский снова сверил время. – Успею посмотреть, что там наваяли власти. На днях встречался в кафе с Робертом Западинским, и тот советовал ради эстетического интереса взглянуть на этот памятник нового веяния с душком. – Мужчина ускорил шаг. – Надо поторопиться. После встречи Кати некогда будет по памятникам ходить».

Леонид Михайлович быстрым шагом обошёл привокзальную площадь. Несомненным плюсом современной реконструкции было то, что привели в порядок газоны, тротуары и лавочки. Получился светлый и красивый сквер. «Такой чистотой не стыдно встречать приезжих, – про себя отметил он». От самой скульптурной композиции ожидал большего, но не пришлось воспользоваться советом Роберта и насладиться эстетикой нового следа новой власти. Леонид Михайлович иронично улыбнулся. Подобные «памятники» только в меньших, человеческих размерах, он видит часто под кустами, за углом дома, на тротуарах, последнее время, из-за массового наплыва в столицу сельских жителей, такие «памятники» всё чаще стали появляться и в подъездах многоэтажек.

Входя в здание вокзала, Можайский ещё раз обернулся на сквер и покачал головой: «Может, скульптор и прав, – с горечью согласился он. – Вся система была настроена так, чтобы человека превратить в говно. Если в этом состояла задумка, то почему же дерьмо устремлено ввысь? Надо было направить парашют по нисходящей, а они снова всё перепутали».

«Как бы там ни было, – размышлял Леонид Михайлович, прогуливаясь по перрону, – но станет легче, не придётся самому готовить три раза в день еду. Опять же утюжка ляжет полностью на сестру. Для Люси больше удобств – с сестрой ей комфортнее за собой ухаживать. И так, всё обошлось славно, но с сестрой будет полегче».

В какой-то момент Можайский даже ощутил некоторое волнение и всё чаще стал поглядывать на часы. От приезда Екатерины он ожидал слишком многого. Ему вдруг стало казаться, жена сейчас же начнёт поправляться и, может, выздоровеет совсем.

Встречающих на вокзале было мало. Полицейские скучливо стояли у своего участка, и носильщики не спешили на платформу, а стали выходить только после того, как динамик объявил о том, что поезд заходит на третий путь. Паровоз и багажный вагон точно ворвались справа и пронеслись мимо, каждый следующий вагон уже проплывал медленнее.

Зашипели тормоза, поезд дрогнул и остановился. Носильщики лениво толкали перед собой тележки, и по взглядам было видно, они особо не рассчитывают на клиентов.

В одном из окон Можайский увидел знакомое лицо, и оно тут же заулыбалось. Людей выходило мало, и потому Леонид Михайлович поднялся на площадку вагона. Они встретились как старые знакомые. К неожиданности Можайского Катя передала ему сумки и крепко расцеловала. «Вот так вот, по-сельски, – про себя ухмыльнулся он».

– Ты совсем не изменился, – воскликнула она и подумала: «Как он пожелтел, и мешки под глазами появились, спит мало, или почки не в порядке, – сразу сказался врачебный практикум». – Где твоя машина?

– Я без машины, – Можайский с интересом разглядывал шустрюю родственницу. – Сейчас такси возьмём.

К их приезду семья уже проснулась. Увидев гостью в прихожей, дети завизжали от восторга и тут же полезли целоваться. «Как заправские сельские жители, – иронично подметил Можайский и, поставив чемодан, вернулся к калитке за сумками».

Когда Леонид Михайлович зашёл в комнату супруги, то увидел обеих женщин сидевших на кровати, обнявшись. Людмила Ивановна по случаю приезда сестры надела цветную

кофточку и была возбуждена от радости. Можайскому даже показалось – лицо у супруги просветлело. И снова у него затеплилась надежда, может, перемена обстановки, приезд сестры, в конце концов, этот кислородный удар, сделают своё дело и организм сможет противостоять, сможет ухватиться за жизнь. Ведь есть же такие случаи? Почему он должен обойти его супругу? «Срочно! На природу! – забилося у него сердце возбуждённо».

День, наполненный событиями, сильно утомил Людмилу Ивановну, и она попросила пораньше оставить её в покое. Можайский и Екатерина расположились в гостиной и долго разговаривали, советуясь, как они выстроят быт в лесничестве.

– Да, она сильно изменилась, – задумчиво протянула Екатерина, – я даже не ожидала. Теперь самое главное не терять головы. – И следующие слова, сказанные девушкой, Можайский слушал, всматриваясь в черты лица собеседницы и поражаясь зрелостью её рассуждений: – Когда нам вдруг станет невыносимо, мы должны будем вспомнить, такая жизнь, какой живёт Люся, тяжелее и страшнее смерти; но пока эту жизнь должны мы скрашивать насколько возможно. Это священный крест для тебя, Лёня. Запомни, такое выпадает не каждому. Только избранным, – Катя ненадолго задумалась и продолжила: – Прежде всего, необходимо всем вести себя так, чтобы она уверилась в том, что до конца ещё очень далеко. Если Люсе станет вдруг совсем плохо или случится последний кризис, то будем говорить, – она простудилась, и вообще отвлекать её от мыслей о болезни. Будем попеременно читать ей вслух, сообщать всякие новости о близких ей людях... Скорее бы переехать, чтобы все были рядом, и никто никуда не разъезжался.

– На следующей неделе последний звонок, сразу и переедем. Часть вещей можно перевезти на днях. Всё равно всё сразу в машину не уместим, – Можайский чувствовал, как заряжался рядом с этой энергичной девушкой со светлым взглядом. – Мне и самому отдохнуть хочется. Измучался.

– Вижу. Выглядишь ужасно, – подтвердила Екатерина и осеклась.

– Ты же сказала – я не изменился? – поймал на слове родственницу Можайский, и они рассмеялись.

– Еще она страшно волнуется за будущее детей, – тут же посерьёзнев, продолжила Катя.

– Дети учатся хорошо, способные, послушные, – стал заступаться за детей Леонид Михайлович. – Рано или поздно выйдут в люди. И я рос без матери... – Можайский встал и заходил взад и вперед, пытаясь скрыть нахлынувшие слёзы.

Екатерина опустила голову на колени, чтобы не смущать его, и ждала, пока тот успокоится. Часы пробили полночь.

– Пойду спать, устала, – сказала она и, не взглянув на Можайского, удалилась.

Можайский молчаливым взглядом проводил родственницу, втайне благодаря её за тактичность. Постояв посреди комнаты, и он отправился к себе. Дети уже спали. Из ванной донёсся шум пущенной воды. Леонид Михайлович стал на подоконник, отворил окно и, высунулся по пояс, несколько минут дышал свежим ночным воздухом. Потом он вспомнил, не взял из гостиной пепельницу и сигареты, и пошёл за ними. Екатерина уже помылась и в ночнушке стояла в гостиной перед зеркалом и причёсывалась.

– Фу, как ты меня испугал, – пробормотала она, закрываясь руками.

– Прости, пожалуйста, я никак не думал, что ты уже успела раздеться, – Леонид Михайлович смутился и, быстро развернувшись, вышел из комнаты. – На журнальном столике пепельница и пачка сигарет, – дай мне их...

– Нужно спрашивать, – недовольным голосом ответила Екатерина и просунула через дверь руку с пачкой сигарет.

«Да, неловко вышло, – нервно почесав затылок, укорялся Можайский, чиркнув спичкой и закуривая. – Какая она эффектная с распущенными волосами. Сколько же у меня не было женщины?»

Ночью ему приснилась Екатерина с распущенными волосами и голыми руками и будто он целует её. Леонид Михайлович проснулся среди ночи и, разозлившись на себя за этот сон, закурил и долго лежал на спине. До самого утра уже не спалось.

Первого июня, не откладывая и не ломая планов, семья перебралась в Кодры. Домик лесника находился в тридцати километрах от Кишинёва по Леушенскому шоссе, состоял из четырёх небольших комнат и просторной веранды, от пола до потолка в стекле. Людмиле Ивановне приготовили отдельную комнату с окном во двор. Катя и Таня поселились вместе. Леониду Михайловичу с сыном досталась комната с окнами в лес. Четвёртую – отвели под кухню, тем более там и так стояла буржуйка и плита с газовым баллоном. Веранду обустроили под столовою, для этого со всего дома собрали стулья и установили большой стол из комнаты. И всё бы хорошо, но портила настроение погода, и потому долго не могли почувствовать себя уютно. Июнь подходил к середине, а дожди не прекращались. По вечерам бывало сыро и страшно в одиноком домике среди ночного леса. Домочадцев настораживал постоянный, круглосуточный шум – то ли от дождя, то ли от деревьев – не разберёшь. Пару раз Можайский выезжал в Кишинёв, чтобы пополнить запасы продуктов. В эти часы на всех нападало уныние, которое взрывалось всеобщим ликованием, когда глава семейства возвращался с разноцветными кулками разных вкусов.

Наконец к середине июня установилась жаркая, по-настоящему летняя погода. И тут новая напасть – тьма комаров! Первую ночь после знойного дня в доме не выключали свет. Комары атаковали со всех сторон, спать было невозможно, и все решили бодрствовать. Сначала жгли сухие сучья на улице, когда всё, что попало под руки, сожгли, перешли в дом и затопили буржуйку, только чтобы чадила. В этом помогли сырые дрова. К утру семейство пропахло дымом, но комары продолжали атаковать. С первыми лучами солнца Можайский отправился в город за таблетками от комаров, а измученные и истощенные дети и женщины разбрелись по своим местам и уснули.

С установившейся погодой, после города и длительных дождей семья, наконец, повеселела и расположилась к полноценному отдыху. Людмила Ивановна с утра и до вечера сидела в кресле, выставленном под навесом, служившим прикрытием для заготовленного сена, и каждому, кто проходил, рассказывала, как чувствует себя великолепно и оживает вместе с природой.

Можайский, Екатерина и дети старались угадывать всё, что она хочет, и делать ей только приятное. Екатерина оказалась неутомимой труженицей, взвалив на себя все обязанности по устройству быта, и дополнительно ещё ухаживала за сестрой. Она так ловко управлялась, что освободила всех от забот, предоставив семье возможность больше общаться и проводить время в отдыхе.

Мишка и Таня по утрам отправлялись заготавливать сушняк. По наставлению матери они периодически выкрикивали из леса: «Мама! Мы здесь!» Людмила Ивановна, услышав голоса детей, улыбалась, но продолжала прислушиваться, и как только раздавался на всю округу звонкий лай, она одобрительно покачивала головой.

Ещё в период дождей к подворью лесничего прибил пёс. Он прятался под навесом, скрутившись калачиком и даже прикрывая нос хвостом. Первым его заметила Таня. Пробегая по мокрому дощатому настилу к туалету, она поскользнулась и, едва не упав, весело вскрикнула. Тут-то собака себя и обнаружила, выскочив из укрытия. Оба испугались ещё сильнее и рванули наутёк в разные стороны – Таня в дом, а шавка в лес.

– Папа, папа! – восторженно звала Таня. – Слушайте все! У нас завелась собака!

Всё семейство высунулось кто куда – в окно, в двери, стараясь разглядеть животное. Можайский выскочил на улицу и даже попробовал отыскать пса.

– Фьють, Фьють! Тц, Тц! – промокнув до нитки, Леонид Михайлович констатировал: – Наверное, удрал.

– Что ж ты, Танька, – укорил сестру Михаил. – Надо было ловить. Был бы у нас сторожевой пёс!

– Сам иди и лови, – огрызнулась та. – Видел бы ты этого сторожевого пса.

То, что во дворе есть собака, всех обрадовало, и разговору хватило на весь остаток дня. Нет-нет, кто-то подходил к окну, чтобы выглянуть и удостовериться – вернулась собака или нет.

С окончанием дождей, объявился и Танин беглец. В этот раз первым обнаружил пса Мишка. Выскочив рано утром во двор, он пулей влетел назад.

– Танька! Танька! Вставайте! – вопил на весь дом мальчишка. – Твоя собака вернулась.

Семейство посрывалось с кроватей и высыпало на улицу. Посередине двора сидел он, словно ожидая – когда же люди проснутся. Приблудившимся псом оказалась серо-пегая сука на коротеньких ножках и со странной вытянутостью туловища. Появление нескольких человек заставило собаку встать и приготовиться в случае опасности удрать, но даже по её морде было видно – она этого не хотела бы делать – и когда Леонид Михайлович протянул руку с кусочком вареной колбасы и просто сказал:

– Дворняга, на, иди сюда.

Новоявленная Дворняга, склонив голову, подошла и приняла ароматный, с корочкой от прожарки, ломтик колбасы. В благодарность, новый член семьи весело завилял хвостом. Так был налажен контакт с первым животным, и в семье появилась собака по кличке Дворняга.

– Когда бог делал собак, по-видимому, на тебе Дворняга, решил отдохнуть, – пошутил Леонид Михайлович, разглядывая несуразный облик дворняги.

Дворняга тут же приняла на себя обязанности охранника. Ночью она располагалась на веранде, а днём – на крыльце, как настоящий сторожевой пёс. С какой бы стороны не доносились странные звуки, Дворняга тут же схватывалась со своего места и неслась навстречу, чтобы облаять, но пределов двора не покидала. Сделав свою работу, с достоинством подняв голову и виляя хвостом, она возвращалась на место.

Сразу став верной спутницей, Дворняга всех сопровождала, куда бы кто ни шёл. Особое удовольствие ей доставляло ходить по утрам с ребятами собирать дрова. Её лай доносился одновременно из разных мест.

Два раза в неделю Леонид Михайлович ездил в столицу за продуктами. Дворняга провожала автомобиль до асфальтовой развилки. Она так ловко бежала впереди машины и перебежала из стороны в сторону, что Можайский притормаживал, боясь не задавить собаку, но та всегда оказывалась впереди и, остановившись, оглядывалась – мол, чего остановился? Когда же машина хозяина выезжала на асфальт, Дворняга садилась на обочине и не уходила, пока машина не скрывалась из виду. Только тогда отправлялась обратно.

– Вы представляете, – изумлялся Можайский, вернувшись с покупками из города. – Дворняга встречала меня у трассы. Неужели она всё это время просидела на обочине?

– Да нет, только что бегала по двору, – тоже удивилась Катя.

– Как же она почувствовала, что я сейчас приеду? – ещё сильнее озадачился Леонид Михайлович, но с этого дня Дворняга стала авторитетом в семье. Каждый старался подбросить ей лучший, лакомый кусочек. Людмила Ивановна тоже припасала ломтик колбасы, откладывая его на краешек стола. Дворняга, как привязанная следила за ним, от нетерпения потягивая или повизгивая, но было видно по её пучеглазой морде – ей по душе такая хозяйкина забава. Завершив еду, Людмила Ивановна двумя пальцами поднимала лакомство и подавала команду:

– Дворняга, иди сюда, – и похлопывала себя по колену.

Едва сдерживая прорывающийся от восторга лай, Дворняга вскакивала на задние лапы, а передними на указанное место и замирала, ожидая, когда хозяйка поднесёт к её пасти ароматное кушанье. Принимала Дворняга еду так, словно она была обжигаящая, с только что шкварчащей сковородки и, вмиг проглатывала.

– Ох, проказница, – корила шавку Людмила Ивановна, а той этого только и надо было. Она устремлялась по большому кругу вдоль всего двора, звонким лаем оглушая всю округу.

– Вот оно собачье счастье, – наблюдая за происходящим действием, с улыбкой говорил Леонид Михайлович.

Иногда по вечерам, особенно в выходные дни, из долины, слышалась музыка. По-видимому, горожане выезжали в лес отдохнуть компанией. Бывало, взлетали ракеты и потом лопались под самыми звездами. Но обитателям домика лесника не было дела, ни до этого шума, ни до людей, производивших его. Правды ради, все выходили во двор, чтобы посмотреть на салют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.